

Александр Журбин: КОГДА УСТАЮ

Александр Журбин как минимум дважды в своей жизни был первым. Что называется, *absolute beginner*.

Сначала он написал первую русскую рок-оперу — «Орфей и Эвридика».

А еще он — единственный, кто был преуспевающим советским композитором, автором «Биндюжника и Короля» и массы шлягеров, — и остался преуспевающим американским композитором, хоть и играющим время от времени в ресторане. Для собственного удовольствия.

Сейчас он приехал в Россию (откуда уехал семь лет назад), которую вообще-то балует своим присутствием нечасто. Нам захотелось на него поглядеть.

— Понятие эмиграции сейчас исчезло. Хотя понятие ностальгии осталось. Многие не догадываются, что поездка из Москвы в Магадан (восемь часов полета) стоит четыреста пятьдесят долларов в одну сторону, а поездка из Москвы в Нью-Йорк (тоже восемь часов) — столько же, но в обе. Таким образом, если вы летаете во Владивосток, Иркутск или Магадан, вы можете слетать и в Нью-Йорк. Правда, нужно получать визу, но при желании наш человек все пробьет.

— Чем вы работаете сейчас?
— Сейчас я свободный художник. Занимаюсь тем, чем за-

тупили: приехав, поселились на Манхэттене, в абсолютно американском районе, где на пять миль вокруг не встретишь ни одного казака. Погрузились в американскую жизнь, и все было замечательно, а через два года стало скучно. Мы начали встречаться с бывшими соотечественниками, появилась прелестная интеллигентная компания, которая все расширялась.

Из России за эти годы уехала масса народу. Эти люди более-менее равномерно распределились по разным странам и континентам. Большая диаспора живет в Израиле, Германии, Австралии, есть островки даже в Южной Африке, но самая большая — в Нью-Йорке, это целый архипелаг. В этой стране выпускается тридцать пять газет на русском языке. Правда, они почти все ворованные: материалы воруют у российских газет. Круглосуточно работают два канала телевидения: RTN и WNVP. Моя жена работает на RTN, ведет там несколько программ и продюсирует.

— А сын чем занимается?

— Классный музыкант, по моему. Алтист. Ему уже восемнадцать, он отдельно живет.

— Мне доводилось слышать, как говорят его ровесники, хехавшие в Америку, когда им

Безумное, неслыханное обжорство — причем все в пять раз дешевле, чем в Москве. Вы можете есть все на свете: икру, омаров, лососину, осетрину — и все это будет стоить какие-то копейки. Я испытываю чувство умиления, но провести там больше нескольких часов невозможно, я убегаю в свой Манхэттен, где могу нормально дышать. Все-таки это не мое, не моя тусовка, но я этих людей очень люблю. Я их хорошо понимаю, у меня там много друзей, честнейших, нежнейших людей. Я вообще не Гиляровский Брайтона, но люди есть потрясающие. Например, Константин Кузьминский, великий русский поэт и эрудит, создатель двенадцатитомной антологии русской поэзии «Голубая лагуна», он знает всех на свете поэтов. Он ходит по Брайтону в буденновской бурке, в папаче; как правило, это все надето на голое тело. А большую часть времени вообще предпочитает лежать, это ему кажется наиболее достойным человека состоянием. Там есть разные непризнанные гении, их все кормят и поят. Это страшно романтично. Напоминает Одессу двадцатых годов, где бродили Бабель, Багрицкий, Ильф и Петров, их кормили рыбой чуть ли не бесплатно... Когда-нибудь еще найдется брайтонский Бабель.

